

ВАСИЛИЙ ОРЕХОВ

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ ОРЕХОВ
ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ



КРОВЬ ОКЕАНА



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-65

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Компьютерный дизайн — *Яна Половцева*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Орехов, Василий.
О-65 **Кровь океана** : [роман] / Василий Орехов, Дмитрий Янковский. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Бездна XXI).

ISBN 978-5-17-093879-7

Нелегальный поселок охотников на инопланетных монстров, расположенный на побережье бывших США, подвергается внезапному и необъяснимо жестокому нападению гигантских тварей из глубин океана. Рота российской морской пехоты под командованием капитана Делягина, направленная на отражение атаки, попадает в ловушку. В центре разворачивающегося грандиозного сражения с участием бойцов экспедиционного корпуса РФ оказывается заброшенный маяк на побережье и его хозяин, индеец Уэйн Симпсон, который спас накануне на болотах загадочную девушку.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093879-7

© В. Орехов
© Д. Янковский
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Гигантская сухопутная каракатица — это весьма достойная добыча.

Правильная, так скажем. Гораздо правильнее, чем каменный краб, плезиозавр или даже аквамен. Один удар гарпуном — и месяц спокойной сытой жизни обеспечен.

Надо только суметь нанести этот самый точный удар. Надо знать наверняка, куда бить, с какой силой и в какой момент. И самое главное, надо иметь цельнометаллические яйца, чтобы вообще рискнуть выйти против сухопутной каракатицы.

С рогатиной на гризли ходили когда-нибудь? Вот именно.

Жители прибрежного поселка в основной массе обладателями стальных яиц не являлись (у них это называлось «дураков нет»), поэтому желающих ходить на каракатицу, кроме Уэйна Симпсона, всегда было исчезающе мало. Вольные охотники предпочитали добывать каменного краба, хотя его панцирь разве что из базуки пробить можно, плезиозавра, хотя этакий гигант одним движением может перевернуть моторку, и на аквамена, который, обладая зачатками разума, вообще является самой опасной и коварной морской тварью, хоть и не так велик, как остальные.

Но только не на мягкотелую, такую неуклюжую, такую неповоротливую сухопутную каракатицу, сепиола фантазма, если по-научному, отдельные внутренние органы которой стоят на черном рынке бешеных

денег. Забавно, правда? Нет, понятно, конечно, что охотникам с этих чудовищных барышей лишь жалкие центы переппадают, но все же это такие центы, на которые в современной Америке можно жить припеваючи. Раньше вот, в мирное и сытое время, было не прожить, а теперь, после Атлантического инцидента, — запросто.

Уэйн Симпсон в принципе особо не возражал против такого расклада. Зачем бы ему конкуренты? Ни за чем ему, прямо скажем, конкуренты. Свободная конкуренция, возможно, в самом деле является двигателем коммерции, но это только в том случае, когда экономика государства здорова и крутится без останова на благо всех граждан. Когда же страна почти полностью разрушена и превращена в соленую грязь под ногами, экономика вообще прекратила свое существование, а граждане вынуждены ежедневно рисковать головой, добывая себе пропитание, конкуренция становится ненужным и чрезвычайно досадным препятствием на пути к сытому желудку.

Невозмутимо поправив оттягивавшую плечо массивную гарпунную пушку, Уэйн зашагал по болоту, взяв за временный ориентир солнце, неторопливо опускавшееся в океан.

Самодельная гарпунная пушка Уэйна Симпсона была собственноручно выточена им на станке из внушительной цилиндрической болванки нержавеющей жаропрочной стали. Охотник любовно оснастил ее кольцевым зенитным прицелом в виде металлической паутины и заряжал массивным гарпуном. В качестве метательного заряда Уэйн предпочитал использовать черный порох собственного изготовления, а не стандартные патроны для помповых ружей.

За стопкой ледяной русской водки Уэйн мог долго объяснять собутыльникам целесообразность такого подхода в терминах баллистики, но на самом деле

руководствовался в первую очередь дешевизной производства. Его шаровая мельница приводилась в действие бесплатным ветром, постоянно дувшим в это время года на Восточном побережье, а серой и селитрой были забиты фермерские хранилища в десяти милях к западу от приморского поселка, так что порох обходился охотнику меньше чем в юань за три унции, даже если считать горючее, сожженное мощным пикапом фирмы «Грэйт Уолл» при доставке необходимых для изготовления пороха химикатов с разрушенных складов.

Вообще-то на американском континенте уже много лет в ходу была метрическая система мер, но Уэйн постоянно путался, поскольку с детства привык считать расстояние в милях и футах, а вес в фунтах и унциях. Еще пару лет назад он даже юани и рубли по привычке переводил в доллары, но потом все же бросил, поскольку курс бакса все это время падал столь стремительно, что в самом деле проще было заниматься взаиморасчетами с внешним миром в какой-нибудь стабильной валюте.

Удерживая гарпунную пушку на плече, как какой-нибудь Шварценеггер в лучшие годы, прикрыв лицо москитной сеткой, свисавшей с полей камуфляжной армейской панамы, Уэйн осторожно двигался почти по пояс в теплой солоноватой воде. Несмотря на тонкую кисею перистых облаков, закатное солнце слепило, отражаясь от подернутой рябью болотной глади. Один из запасных гарпунов охотник отстегнул от рюкзака и использовал в качестве посоха, держа его острием вверх и прощупывая топкое дно алюминиевым древком.

Пушка на плече Уэйна весила полных двадцать килограммов, плюс запасные гарпуны, притороченные к рюкзаку, плюс укороченный российский автомат с тремя магазинами, плюс мачете на поясе...

Проникшая под одежду вода пощипывала тело едкой морской солью, гнилостные болотные испарения тяжело стелились по поверхности воды. Какой-нибудь городской пижон уже давно запищал бы от таких невероятных лишений, но Уэйн Симпсон вырос в прибрежном поселке и хорошо знал, каким потом и кровью достается здесь каждый заработанный доллар. Так было еще тогда, когда Штаты являлись величайшей и могущественнейшей страной на планете, а люди его народности запросто могли позволить себе жить на подачки правительства или доходы с казино в резервациях.

Однако лично он, Уэйн Симпсон, не мог себе этого позволить. Никогда. В его жилах текла кровь гордых сименолов, единственного индейского племени, до сих пор не подписавшего унижительного мирного договора с правительством Соединенных Штатов. Это не только делало Уэйна коренным жителем Америки, вокруг которых последние полвека подобно назойливой мошкаре вились представители всевозможных фондов социальной помощи, искупая чудовищный геноцид индейцев со стороны белых переселенцев. Это также накладывало на него определенные ограничения морального плана. Поэтому Уэйн Симпсон был привычен в поте лица добывать хлеб свой, брезгуя халявой от щедрот бледнолицых, которая развращала его народ, превращая в сборище пьяниц и презренных коммерсантов.

Некоторые охотники пользовались на болотах легкими каноэ или пирогами, чтобы не сгибаться под тяжестью амуниции и добычи. Но, по мнению Уэйна, от лодки в их деле случалось больше беспокойства, чем пользы, так как местные соленые болота были мелкими, и посреди них торчало множество заросших травой островков. В таких условиях чаще приходится тянуть плавсредство волоком, чем плыть на нем. Или

делать большие крюки, обходя стороной обширные участки суши, а это драгоценное время.

Своя пирога у Уэйна, конечно, была. Куда же настоящему индейцу без пироги? Но он оставлял ее далеко на границе свободной воды, только чтобы загрузить потом разделанной тушей добычи.

Кроме того, что с лодкой было слишком много возни, Симпсон не использовал ее еще по одной, куда более важной причине. В случае неожиданного нападения боец должен уверенно стоять на ногах, что совершенно невозможно в неустойчивой пироге. Если от хорошего взмаха гарпуном сам вывалишься за борт и плашмя плюхнешься в воду, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Куда правильнее ощущать под подошвами резиновых сапог дно, когда из камышей в любую секунду может вынырнуть незаметно подкрававшаяся тварь.

Некоторые особо ретивые молодые охотники привозили с материка плоскодонные катера с приводом от воздушного винта и лихо носились на них по болотам. Стоять в них действительно можно было твердо. Но моторы и винты создавали слишком много шума, который в тиши болот привлекал в товарных количествах всякую мерзость. В общем, с ветерком кататься на этих штукаках в любом случае долго не получалось. Совсем недавно, пару дней назад, сгинули тут трое ребят, решившие добыть гигантского краба при помощи такого катера и реактивного гранатомета. С тех пор не видал их никто, что характерно.

— Чебурашкино дерьмо, — сокрушенно проговорил Уэйн по-русски.

Затейливым русским ругательствам выучил его Вадим — бывший напарник по нелегальной охоте. Еще в прошлом году они охотились вместе, у Вадима получалось отлично, хоть он и был типичным бледнолицым — бывший российский военный из при-

шедших в Америку с первыми гуманитарными конвоями после Большой волны. Выслужив свой год по контракту, уволился и остался в Америке.

Когда-то в США ломались сотни тысяч нелегальных эмигрантов, а теперь остаться здесь жить мог только абсолютно сумасшедший экстремал.

Вадим именно таким и был — сибиряк за шесть футов ростом и весом в двести фунтов, ходивший у себя в родных снегах на волков и медведей. Хороший парень. Силой обделен не был, а вот скорости ему порой катастрофически не хватало. Из-за чего и закончил жизнь не лучшим образом — в клешнях гигантского каменного краба.

После того случая Уэйн на крабов больше не охотился принципиально. Мстить безмозглым тварям было бессмысленно, а неприятных воспоминаний осталось много. Да и панцирь у них такой, стоит напомнить, что только из реактивного гранатомета пробить можно, а выстрелы к нему достать непросто, и стоили они в прошлом году под сотню юаней за штуку, а сколько стоят теперь, при галопирующей инфляции, — даже представить страшно.

Куда практичнее выслеживать сухопутных каракатиц. Дичь, конечно, тоже очень непростая, даже слишком непростая, настолько непростая, что другие охотники откровенно ссут на нее ходить, но простой дичи нынче не осталось вовсе. По крайней мере, каракатицу, в отличие от остальных тварей, при соответствующей сноровке и мастерстве можно добыть при помощи самодельной гарпунной пушки, без особых затей и лишних затрат — если только иметь цельнометаллические яйца, чтобы в последний момент не дрогнуть перед столь чудовищным противником.

Шум прибоя в полумиле от берега почти не был слышен. Если бы задувало с океана, то грохот волн,

расшибавшихся об утрамбованный песок узкого пляжа, разносился бы намного дальше, но ветер, наоборот, напирал с берега, пригибая стебли диких болотных трав. Сёрферы, некогда съезжавшиеся в эти места, такое направление ветра называли оффшором и любили безмерно, так как при нем не ломает волну. Вот только их тут уже давно никто не видал, и вряд ли когда теперь увидит.

Их времена прошли безвозвратно. Теперь на Восточном побережье правили бал совсем другие герои, чью жизнь, чаще всего недолгую, наполнял куда больший риск, чем тот, которым любили бахвалиться загорелые парни с крепким прессом и остроносыми досками.

Уэйн Симпсон как раз и был одним из таких искателей приключений, не сумевших или не пожелавших обеспечить себе спокойную жизнь в глубине континента.

Впрочем, старомодное понятие «спокойная» сегодня почти не имело в Америке смысла. Ну, чем краснокожий Уэйн, согнанный искусственным цунами полуторакилометровой высоты с земли своих предков, мог заработать на жизнь в любом из уцелевших мегаполисов, переполненных беженцами, которым тоже позарез нужна работа? В лучшем случае пришлось бы мыть посуду в ресторане для оккупационных войск или дерьмо выгребать на окраинах из полуразрушенной системы канализации. Чебурашкино дерьмо, как сказал бы Вадим.

Но главное, что удерживало Симпсона от попыток покинуть опасную прибрежную зону, — это мысль о воображаемом бледнолицем выродке, который станет им командовать, заставляя горбатиться за гроши. О мерзком потомке того гнусного янки, который стрелял в предков Уэйна из штуцера или продавал им одеяла, зараженные оспой. Для индейца воля дороже

денег — ну, по крайней мере, дороже тех денег, которые можно выручить за мытье посуды в вонючей закуской. А воли на смертельно опасном побережье, в зоне активных боевых действий, было хоть отбавляй. Да и некоторые деньги водились.

Остро пахло стоялой морской водой и гниющими водорослями. Вокруг головы индейца роились облака комаров и гнуса, но причинить ему особого ущерба они не могли: лицо прикрывала москитная сетка, а под одеждой Уэйн носил крупноячеистую накидку, лично сплетенную из толстой веревки. Она почти ничего не весила, не держала тепла, практически не впитывала влаги, зато не давала ткани вплотную прилегать к телу, и комары благодаря этому не могли добраться до кожи, оставаясь голодными и злыми, как супермодели из модных журналов прошлого.

Обширное соленое болото, какие в здешних местах называли маршами, тянулось во все стороны, насколько хватало глаз. Лишь на северо-западе можно было разглядеть устоявшие после Большой волны бетонные столбы, торчавшие вдоль проходившей здесь когда-то автострады. Местность как местность, ничего особенного, но именно образовавшаяся после грандиозного цунами топь стала для здешних охотников-нелегалов и кормилицей, и средством заработка.

И убийцей, если допустить непростительную ошибку.

Порой, когда кто-то из охотничьего поселка пропал бесследно, о нем говорили: «Крепко не повезло». Но Уэйн не верил в везение. Все тридцать пять прожитых им лет наглядно демонстрировали, что победу в чем бы то ни было, будь то охота на инопланетных тварей или американский футбол, приносит не слепой случай, а точный расчет, наработанные умения, острый и быстрый ум, молниеносная реакция и отменная выносливость. Без этих качеств на соленых

болотах делать нечего, но многие все же совались сюда наудачу за длинным юанем и, разумеется, бы-стро пропадали тут навсегда.

Собственное везение еще нужно уметь правильно построить, бэби.

Сухопутный профан из Лас-Вегаса, не знающий всех тонкостей ремесла, мог бы опрометчиво решить, что охотиться лучше в океане, а не на болотах, так как дичи в открытом море попадается не в пример больше. Но столь недалновидный подход сразу выдал бы человека, понятия не имеющего, какими трофеями можно поживиться в здешних местах. Или, рассматривая вопрос с другой стороны, чьим трофеем можно стать — как здесь, так и в океане. Особенно в океане, стоит подчеркнуть.

После случившейся пять лет назад катастрофы, уничтожившей добрую половину мира, особенностью современной морской охоты стало как раз то, что чем меньше дичи ты встретишь на пути, тем больше у тебя шансов вернуться домой с трофеем. Две твари сразу — уже непозволительно много даже для небольшого хорошо вооруженного отряда. А вот если одна и при этом не очень крупная, имеются определенные шансы ее упромыслить. Даже в одиночку, если ты не лыком шит и оружие у тебя для этого дела имеется подходящее.

Тем и хороша была самодельная пушка Уэйна, что затачивалась под совершенно конкретные задачи и имела целый ряд преимуществ перед стандартным армейским вооружением.

Во-первых, в отличие от реактивного гранатомета гарпун не разносил жертву в клочья, что было важно с коммерческой точки зрения, так как правильно разделанную тушу продать намного легче, чем кучу ошметков. Во-вторых, гарпун, несмотря на скромность входного отверстия, обладал солидным останавлива-

ющим действием — проще говоря, валил противника сразу и наглухо, разрывая ему кровеносную систему широким стальным лезвием по всему пути прохождения. Единственным надежным способом остановить тварей огромных и мощных, почти не чувствительных к боли, не реагирующих на удары, не знающих контузии, было быстрое обескровливание.

В общем, хорошо пристрелянная гарпунная пушка с допотопным зенитным прицелом, при помощи которого так удобно брать необходимое упреждение, представляла собой весьма функциональное охотничье оружие.

Скинув пушку с плеча на ближайшую болотную кочку, Уэйн уселся рядом, оставаясь по колено в воде, и перевел дух. Вроде и привык таскать тяжести, но сегодня длительное путешествие по болоту здорово его утомило. Не мальчик уже, игроки в американский футбол в таком возрасте на тренерскую работу уходят. И еще жара... Хорошо хоть ветер поддувает и облака немного фильтруют солнечный свет. Вода в болоте была теплее воздуха, и хотя льняные штаны и тонкая хлопковая ветровка промокли насквозь, от жары это почти не спасало.

Новички, решившие стать охотниками, поначалу всегда одеваются в армейский камуфляж, и только потом, набравшись опыта, если удается выжить, начинают подбирать себе другую одежду, в зависимости от индивидуальных потребностей. Уэйн, к примеру, считал армейскую камуфляжную униформу слишком толстой, слишком жаркой и слишком тяжелой, особенно когда намокнет, а подобное случилось с первых же минут охоты. У нее было всего одно преимущество — маскировочный цвет, да и то раскраска далеко не всегда соответствовала цветовой структуре местности. Куда проще при помощи нескольких баллончиков с краской и десятка лоскутов старой

ветоши довести до ума более удобную и менее дорогую одежду, которая в любом случае служила здесь недолго.

След гигантской каракатицы охотник обнаружил утром прямо из дома, который он оборудовал себе в заброшенном маяке на краю поселка. Установленный на верхней площадке телескоп-рефрактор позволял экономить массу сил и времени, давая возможность осмотреть лежавшее к северу болото на предмет наличия дичи. Самих тварей с такого расстояния разглядеть было невозможно, маскировались они отменно, меняя цвет подобно хамелеонам или камбалам, в зависимости от окружающей местности. Однако, проползая через солончаки, высохшие посреди болота на безжалостном летнем солнце, каракатицы оставляли следы, хорошо видимые на ровной белой поверхности. По ним опытный охотник мог не только определить направление, в котором двигался морской хищник, но и прикинуть примерное время, когда это произошло.

Подобная дистанционная разведка здорово помогала, конечно, но исход охоты все равно определялся на месте, и никогда невозможно было сказать с уверенностью, каким он будет. Иногда удавалось добыть очень сложную дичь, того же гигантского мраморного краба, к примеру, а порой какой-нибудь хиленький двуглавый змеехвост, размером не больше школьного автобуса, проявлял невиданную агрессию и убивал охотника раньше, чем тот успевал осознать допущенную ошибку.

Основная проблема состояла в том, что твари, принесенные из космоса рухнувшим в океан огромным астероидом, очень быстро мутировали, приспосабливаясь к широкому спектру стремительно меняющихся условий. Генетический код был у них предельно гибким. На серьезную коррекцию тела у при-